

Потребительское и кредитное поведение молодежи сквозь призму жизненного цикла: межпоколенческий анализ*

Consumer and Credit Behavior of Young People through the Prism of the Life Cycle: an Intergenerational Analysis

Г. ФАТКУЛЛИНА

Фаткуллина Гульшат Рашитовна, научный сотрудник сектора социально-политических исследований Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. ORCID: 0000-0002-6358-0853. E-mail: gulshat475@yandex.ru

Аннотация. На основе межпоколенческого анализа (опросы 2021, 2024, 2025 гг.) исследуется эволюция потребительского и кредитного поведения молодежи Башкортостана. Выявлен ценностный парадокс: материальное благополучие становится не целью, а инструментом, что смещает потребление в сторону инвестиций в человеческий капитал. Формируется незрелая финансовая автономия, сочетающая личные заработки и зависимость от семейных трансфертов. Кредитное поведение эволюционирует от «кредита для жизни» к «кредиту для активов», однако наблюдается разрыв между высокой долговой толерантностью и инвестиционной осторожностью. Результатом является поляризация жизненных траекторий: молодежный этап критичен для формирования финансовой культуры, что требует дифференцированных мер поддержки.

Ключевые слова: молодежь, Республика Башкортостан, потребительское поведение, кредитное поведение, межпоколенческий анализ, ценностные ориентации.

Abstract. Based on intergenerational analysis (2021, 2024, 2025 surveys), the evolution of consumer and credit behavior among young people in Bashkortostan is studied. A value paradox is identified: material well-being becomes not a goal, but a tool, which shifts consumption towards investments in human capital. An immature financial autonomy is formed, combining personal earnings and dependence on family transfers. Credit behavior is evolving from «credit for life» to «credit for assets», but there is a gap between high debt tolerance and investment caution. The result is a polarization of life trajectories: the youth stage is critical for shaping financial culture, which requires differentiated support measures.

Key words: youth, Republic of Bashkortostan, consumer behavior, credit behavior, intergenerational analysis, value orientations.

Введение

Современное экономическое поведение молодежи, погруженной в сложный симбиоз цифровизации, социально-экономической турбулентности и трансформации традиционных институтов, представляет собой не просто совокупность потребительских транзакций и кредитных обязательств. Это сложная система социальных практик, отражающая глубинные процессы ценностного самоопределения, адаптации к условиям нестабильности и выстраивания траекторий жизненного успеха. Особую актуальность данная проблематика приобретает в региональном контексте Республики Башкортостан, где молодежь в возрасте до 35 лет составляет стратегически значимую группу – около 26,6 % населения [2], демонстрируя при этом устойчивую тенденцию к «взрослению» возрастной структуры. Это означает, что в фокусе исследования оказывается не абстрактная группа, а значительная часть регионального социума, находящаяся

* Ссылка на статью: Фаткуллина Г.Р. Потребительское и кредитное поведение молодежи сквозь призму жизненного цикла: межпоколенческий анализ // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2026. № 1. С. 136–141. DOI: 10.34773/EU.2026.1.25.

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

на ключевом этапе профессионального, семейного и экономического самоопределения, от стратегий которого зависит будущее социально-экономическое развитие территории.

Исследование молодежи Республики Башкортостан (14-35 лет) в динамике 2021, 2024 годов, дополненное сравнительным анализом с данными по взрослому трудоспособному населению 18-70 лет (2025 г.), позволяет выявить не только специфику молодежных стратегий, но и обозначить пути их дальнейшей эволюции в рамках жизненного цикла. Однако выявление специфики – не самоцель. Эмпирические данные указывают на формирование внутри молодежной когорты выраженного социально-экономического раскола: наблюдается параллельный рост доли молодежи, испытывающей трудности с удовлетворением базовых потребностей, и группы, достигающей относительного материального благополучия [11]. Эта нарастающая поляризация жизненных шансов и потребительских возможностей превращает экономическое поведение из частного выбора в фактор социальной напряженности и источник принципиально разных жизненных траекторий. Таким образом, данное исследование призвано не просто описать практики, но и проанализировать механизмы этого раскола, раскрывая то, как ценностные ориентации, сформированные в период молодости, транслируются в конкретные экономические решения, которые закладывают фундамент либо долгосрочного финансового благополучия, либо хронической уязвимости.

Методика

Эмпирическую базу исследования составили данные исследований за 2021-2024 гг., проведенных с репрезентативной выборкой молодежи Республики Башкортостан (с общим объемом выборки 11525 респондентов, возраст 14-35 лет). Вопросы, касающиеся экономического поведения (трудоустройство, структура доходов, потребительские и кредитные практики), были адресованы респондентам в возрасте 18-35 лет, что соответствует законодательно закреплённому определению молодежи как субъекта экономических отношений и позволяет анализировать группу, вступившую в период самостоятельной социально-экономической активности [12]. Включение в общую выборку категории 14-17 лет обеспечивает более полный социально-демографический портрет молодежной среды, однако для целей данного анализа, сфокусированного на экономических стратегиях, ключевой выступает когорта 18-35 лет. Также были использованы данные исследования, проведенного совместно с Институтом социально-экономических исследований УФИЦ РАН в 2025 году с общим объемом выборки 2216 респондентов.

Результаты

Ключевой особенностью современного молодежного сознания является выявленный ценностный парадокс, заключающийся в одновременной устойчивости терминального ядра и операционализации инструментальных целей [13]. Абстрактная ценность «материально-обеспеченной жизни» теряет свою позицию (снижение с 44,2 % до 36,4 %), уступая место прагматичным, конкретным императивам: «жить в достатке» (взрывной рост с 16 % до 54,4 %) и «устроиться на хорошую работу» (рост с 6,6 % до 51,6 %). Этот семантический сдвиг фундаментален и подтверждается устойчивой динамикой в исследуемый период. Материальное благополучие перестает восприниматься как самоцель или символ статуса; оно трансформируется в рациональный инструмент, необходимое условие для реализации высших ценностных приоритетов – безопасности семьи (76,5 %), сохранения здоровья (52,4 %), личной автономии и самореализации [10; 11]. Именно эта глубинная рационализация предопределяет специфику молодежного потребления, смещая его от модели демонстративной или импульсивной траты к модели осознанной инвестиции [1]. Данная трансформация находит прямое подтверждение в структуре дискреционных расходов, где доминируют не статусные, а инструментальные покупки: электроника (44,7 %), платная медицина (42,1 %) и услуги кафе (44 %) (табл. 1). Каждый из этих приоритетов обслуживает разные аспекты инвестиционной стратегии: технологическая оснащенность – это инвестиция в человеческий капитал и социальную коннективность [5; 8]; платная медицина – в долгосрочное здоровье как основу работоспособности и качества жизни;

социальные траты в кафе – в поддержание социальных сетей, которые являются одновременно и источником психологической поддержки, и потенциальным социальным капиталом.

Таблица 1

Потребительское поведение молодежи, %

Покупки молодежи за последний год	Процент наблюдений	Покупки молодежи за последний год	Процент наблюдений
Покупка электроники	44,7	Образовательные услуги	22,0
Посещение музеев, театров, кинотеатров	28,3	Услуги добровольного страхования	8,4
Услуги кафе и ресторанов	44,0	Цифровые товары	18,1
Товары или услуги для своего увлечения, хобби	31,8	Абонементы на занятия спортом и фитнесом	13,2
Заказ готовой еды	37,4	Ничего из перечисленного	8,6
Платные медицинские услуги	42,1	Затрудняюсь ответить	11,0
Путешествия, экскурсии	17,3		

Источник: данные исследований 2024 г. (молодежь РБ в возрасте 18–35 лет).

Принципиально важным для понимания логики этих потребительских инвестиций является контекст экономической социализации молодежи, которая характеризуется формированием гибридной финансовой субъектности. Эта гибридность становится особенно очевидной при сравнении с моделью взрослого населения. В то время как для трудоспособных жителей республики в возрасте 18-70 лет заработная плата по основному месту работы является абсолютно доминирующим и практически единственным источником существования (93,4 % указывают его как основной источник дохода), бюджет молодежи строится на принципиально иной, диверсифицированной основе. На зарплату по основному месту работы приходится лишь 52,2 % ответов, в то время как почти равнозначную роль играют подработки (28,5 %) и помощь от родных (27,3 %). Это создает уникальную конфигурацию, сочетающую элементы автономии (заработок) и зависимости (семейная поддержка), что и позволяет говорить о становлении особой гибридной субъектности. Такая модель, безусловно, является адаптивной в условиях нестабильного входа на рынок труда, но она же откладывает формирование навыков полноценного, самостоятельного бюджетного планирования, характерного для взрослой финансовой автономии [13]. Результатом, как показывают данные 2025 г., может стать ситуация, когда формальный переход к такой автономии не сопровождается субъективным ощущением достатка и стабильности: 33,4 % взрослого населения определяют себя как малообеспеченных, а 23,5 % отмечают регулярные затруднения при «сведении концов с концами». Таким образом, гибридность молодежных доходов выступает не только как адаптационный механизм, но и как потенциальный источник будущей финансовой уязвимости, когда уход системы семейной поддержки не компенсируется адекватным ростом финансовой грамотности и устойчивости личного бюджета.

Наиболее ярко различие поколенческих стратегий и логика жизненного цикла проявляется в кредитном поведении, выступающем ключевым маркером жизненных этапов. Для молодежи кредит – это, прежде всего, инструмент финансирования текущего образа жизни и образования, что подтверждается четкой возрастной динамикой. В возрасте 18–23 лет подавляющее большинство (80,5 %) не имеют кредитных обязательств, но по мере взросления и вступления в этап профессиональной и семейной стабилизации картина меняется: к 24–29 годам растет доля ипотеки (22,1 %) и кредитных карт (22,3 %) [10]. Данные по трудоспособному населению 18–70 лет показывают логический итог этой траектории: среди 61,4 % закредитованных жителей республики

ипотека (42,1 %) и кредитные карты (45,7 %) становятся основными продуктами, что качественно меняет структуру долговой нагрузки в сторону стратегических активов (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная структура кредитного портфеля молодежи и взрослого населения РБ

Возрастная группа / Продукт	Доля среди имеющих кредиты	Характер и цель заимствования
Молодежь 24–29 лет (2024)		
Ипотека	22,1 %	Стратегический. Формирование актива, основа семьи.
Кредитная карта	22,3 %	Текущий, ликвидный. Финансирование образа жизни, гибкость.
Автокредит	15,8 %	Инвестиционно-потребительский. Мобильность, статус.
Трудоспособное население 18–70 лет (2025)		
Ипотека	42,1 %	Доминирующий стратегический. База материального благополучия.
Кредитная карта (с долгом)	45,7 %	Массовый текущий. Управление ликвидностью, рутинные траты.
Автокредит	26,2 %	Распространенный стратегический. Актив и необходимость.

Источники: данные исследований 2024 г. (молодежь РБ в возрасте 18–35 лет) и 2025 г. (трудоспособное население РБ в возрасте 18–70 лет).

Эта эволюция от «кредита для жизни» (краткосрочные потребительские цели) к «кредиту для активов» (долгосрочные стратегические вложения) сопровождается важным парадоксом, раскрывающим глубинные особенности финансовой культуры и отношение к риску. С одной стороны, молодежь, особенно наиболее продвинутая её часть, проявляет большую склонность к финансовым инновациям и риску (например, интерес к криптовалютам). С другой стороны, взрослое население демонстрирует предельно консервативное сберегательное поведение: лишь 26,2 % взрослых имеют сбережения, причем из них подавляющее большинство (84,1 %) хранит их в классических банковских вкладах, а 73,9 % не рассматривают вообще никакие инвестиционные проекты. Это указывает на возможный фундаментальный разрыв между кредитной смелостью (готовностью брать в долг для решения текущих и стратегических задач) и инвестиционной осторожностью (нежеланием рисковать собственными накоплениями) [7]. Получается, что заемные средства активно используются для потребления и решения жилищного вопроса, в то время как собственные, крайне ограниченные накопления максимально защищаются от любого риска, что в долгосрочной перспективе серьезно ограничивает потенциал для роста благосостояния и создает модель финансового поведения, зависимую от кредитных институтов [3].

Заключение

Таким образом, экономическое поведение молодежи Республики Башкортостан представляет собой динамичный и противоречивый комплекс практик, находящихся в точке бифуркации между принципиально разными жизненными траекториями. Сформированные в молодости ценностные установки – рационализация материального благополучия, превращающая его из цели в инструмент, и приоритет семьи, здоровья и самореализации – задают общий вектор осознанного, инвестиционного потребления, направленного на укрепление человеческого капитала. Однако конкретные механизмы реализации этого вектора – через неустойчивую гибридную финансовую субъектность и нарастающее использование кредитных инструментов – содержат в себе основы как будущей устойчивости, так и хронической уязвимости.

Сравнительный межпоколенческий анализ позволяет не только констатировать текущие различия, но и спрогнозировать два обоснованных сценария развития этих экономических практик по мере взросления молодежной когорты.

Благополучный сценарий предполагает успешную интеграцию молодежи в логику зрелой финансовой автономии, наблюдаемую у взрослого населения. Это выражается в трансформации структуры долга: краткосрочные потребительские кредиты и задолженность по кредитным картам, характерные для молодежи, конвертируются в долгосрочные стратегические активы. Нормативной моделью здесь выступает практика взрослого населения, где ипотека (42,1 %) является доминирующим видом обязательств, а автокредит (26,2 %) – распространенным стратегическим решением. Параллельно прагматичное, но осознанное молодежное потребление эволюционирует в устойчивый навык балансирования бюджета. Об этом свидетельствует модель сбережений взрослых, где наиболее распространенной стратегией (44,3 %) является откладывание средств по остаточному принципу («что остаётся»), что указывает на укоренение практик финансового планирования в условиях полной автономии от семейной поддержки.

Рисковый сценарий, напротив, заключается в консервации модели финансового поведения, характерной для наиболее уязвимой части молодежи, и ее переходе во взрослый возраст. Этот путь маркируется хронической зависимостью от кредитных карт для финансирования текущих нужд (как у 45,7 % взрослого населения), что в сочетании с низкой сберегательной активностью (отсутствие накоплений у 73,8 % взрослых) формирует ловушку долговой нагрузки. В этой модели гибридная субъектность не преодолевается, а лишь меняет форму: зависимость от помощи родных сменяется зависимостью от финансовых институтов, что не приводит к субъективному ощущению благополучия, о чем говорит самоидентификация 33,4 % взрослых как малообеспеченных.

Выбор между этими сценариями не является случайным и напрямую связан с конкретными социально-экономическими условиями, в которых происходит взросление. Ключевую роль играют факторы, продлевающие период экономической зависимости или, напротив, ускоряющие переход к ответственности [6]. Пролонгация молодости, выражающаяся в длительном совместном проживании с родителями, может поддерживать гибридную модель доходов, откладывая формирование навыков полноценного бюджетного планирования. И наоборот, ранняя сепарация, создание собственной семьи и рождение детей выступают мощными катализаторами, требующими перехода к модели взрослой финансовой автономии и стратегическому планированию, что влечет за собой необходимость выбора между ипотекой как активом и потребительским кредитом как постоянным источником ликвидности [4; 9]. Кроме того, выявленная внутри молодежной среды экономическая поляризация – растущий разрыв между группами, способными к инвестициям в человеческий капитал, и группами, испытывающими трудности с базовыми потребностями, – предопределяет изначально разные стартовые условия для реализации того или иного сценария [10].

Следовательно, молодежный этап является критическим не только для формирования кредитной истории, но и для складывания целостной финансовой культуры, основанной на балансе между стратегическим заимствованием, ответственным инвестиционным потреблением и проактивным сберегательно-инвестиционным поведением. Политики поддержки молодежи должны приобретать дифференцированный характер, учитывающий не только возраст, но и глубинные ценностные профили и конкретные жизненные условия, чтобы способствовать реализации благополучного сценария и смягчению рисков траекторий, тем самым снижая социально-экономическую поляризацию и укрепляя долгосрочную финансовую устойчивость нового поколения.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. Москва: Логос, 2002. 324 с. ISBN 5-94010-155-0.
2. В Башкирии статистики подсчитали молодежь / Башинформ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2023-11-10/v-bashkirii-statisty-podschitali-molodezh-3514963>

3. Гениберг Т.В. Тенденции изменения доходов, расходов и сбережений населения Российской Федерации в 2022 г. // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 29–34.
4. Землянова Е.В., Чумарина В.Ж. Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 6(64). С. 9.
5. Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. Современные информационные технологии как инструмент сокращения бедности работающего населения // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 44-53. DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-1-44-53.
6. Лишаев С.А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2(20). С. 110–132.
7. Молодежь нашла замену банковским кредитам / Банки.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11009291>
8. Насколько хорошо английским языком владеют в России и мире? / Педсовет [Электронный ресурс]. URL: <https://pedsovet.org/article/naskolko-horoso-anglijskim-azykom-vladeut-v-rossii-i-mire>
9. Соболева С.В. Особенности изменения численности и возрастной структуры репродуктивных контингентов женщин в России в условиях депопуляции / С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева // Регион: Экономика и Социология. 2023. № 1(117). С. 138–169. DOI 10.15372/REG20230105.
10. Фаткуллина Г.Р. Влияние ценностных ориентаций и социального капитала на экономическую ситуацию среди молодежи в Республике Башкортостан // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 11-3(105). С. 129–131. DOI 10.24412/2411-0450-2023-11-3-129-131.
11. Фаткуллина Г.Р. Особенности, факторы и тенденции финансового поведения молодежи (на примере Республики Башкортостан) / Г.Р. Фаткуллина, А.Г. Каримов // Социодинамика. 2021. № 6. С. 31–41. DOI 10.25136/2409-7144.2021.6.35980.
12. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>
13. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973. 438 p.